

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ МЕТАКОММЕНТАРИИ В ТОПЕ НОВОСТНОГО БРАУЗЕРА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена оценочным метакомментариям в топе новостного браузера. Они представляют собой утвердительные высказывания о том, что кто-то *X* (это обычно известный, медийный, немаловажно — положительно оцениваемый, уважаемый человек, часто имеющий отношение к власти) выразил (в публичной речи, интервью или в Интернете — блоге, «Твиттере») оценочное отношение (практически всегда — отрицательное, чаще всего — юмористическое отрицательное, т. е. насмешливое), в свою очередь, к публичному высказыванию или имеющему общественный резонанс поступку кого-то *Y* (а это обычно, наоборот, отрицательно оцениваемый большей частью общества, неуютный или даже враждебный обществу или власти человек, при этом тоже известный и/или публичный). Пример оценочного комментария: *X* иронично прокомментировал надменное заявление *Y*. В статье дан начальный компонентный анализ оценочного метакомментария: выявляются и анализируются языковые (лексика, синтаксис), семантические (темы) и прагматические (иллокуции и другие компоненты ситуации коммуникации) компоненты, устанавливаются связи между ними. Много внимания уделяется речевым источникам оценочного метакомментария: обсуждаются речевые жанры, которые предположительно генетически связаны с жанром оценочного метакомментария, жанр оценочной номинации, политические дебаты и политическая реклама, юмористические интернет-жанры — анекдоты ряда тематических и структурных групп, аксиогенные комические личные нарративы, демотиваторы и нек. др.). Всего было рассмотрено около 400 текстов за 2016—2018 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценочные метакомментарии; «топ» интернет-новостей; новостные браузеры; СМИ; средства массовой информации; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: dementevvv@yandex.ru.

1. Введение

Статья посвящена новому, но весьма заметному в Рунете текстовому феномену — оценочным метакомментариям (далее — ОМК) в топе новостного браузера: в топ новостных сообщений от различных интернет-СМИ контент-агрегаторами («Яндекс», «Mail.ru») выносятся сообщения-комментарии о чужих публичных высказываниях (чужих комментариях), чаще всего оценочные, часто политического характера (не всегда, но мы сейчас сосредоточимся на таких).

ОМК обладают относительно стандартной формой: представляют собой утвердительные высказывания (скорее короткие) о том, что кто-то *X* (это обычно известный, медийный, уважаемый человек, часто имеющий отношение к власти, немаловажно — положительно оцениваемый с точки зрения автора материала, выносимого в топ, или редакции издания (*A*)), выразил (иногда в публичной речи, интервью, но чаще — в письменном виде: в публицистической статье или в Интернете на своем сайте — блоге, «Твиттере») оценочное отношение (практически всегда — отрицательное, часто — юмористическое отрицательное, т. е. насмешливое), в свою очередь, к публичному высказыванию или имеющему общественный резонанс поступку кого-то *Y* (а это обычно, наоборот, отрицательно оцениваемый большей частью общества или властью человек, при этом тоже известный и/или публичный).

Следовательно, ОМК имеют *речеванровый аспект* (впрочем, «сильное» утвержде-

ние, что ОМК является речевым жанром, мы пока делать не готовы).

Если высказывание *Y*-а может быть определено как комментарий, то высказывание *X*-а — метакомментарий, а даваемый в новостном браузере текст о высказывании *X*-а, так сказать, метакомментарий второго уровня. Таким образом, авторство по сути тройное: автор статьи (часто анонимный) *A*, «свой» *X*, «чужой» *Y*.

Простейший пример метакомментария: *X* прокомментировал заявление *Y*.

Емкий пример оценочного метакомментария (такие ОМК и являются объектом нашего исследования): *X* иронично прокомментировал надменное заявление *Y*.

Обязательными являются наличие речевого слова (обычно оценочного): это глагол (практически всегда в форме сов. в., прош. вр. (перфектн. форма), чаще переходный, но не всегда), в приведенном примере — *прокомментировал*; номинации речевого или неречевого социального действия характеризуемого *X*-м персонажа *Y*-а: это различные части речи — чаще существительные (в функции прямого или — реже — косвенного дополнения), но возможны и глаголы (тоже в функции дополнения), в приведенном примере — *заявление*; факультативными — адъективные и адвербиальные характеристики (тоже чаще всего оценочные и ярко-оценочные): адverb *иронично* и адъектив *надменное*.

Фраза наподобие приведенной обычно дается в топе новостей в браузере (иногда возглавляет их) крупным или жирным шриф-

том; далее следует (мелким шрифтом, в виде цитаты, в сокращенном виде или в виде упрощенного пересказа, но практически всегда с гиперссылкой) содержание метавысказывания первого уровня; кликнув по гиперссылке, пользователь получает возможность ознакомиться с полным текстом (структурно такой текст иногда самостоятелен, а иногда представляет собой лишь часть какой-то более объемной и содержательно разнообразной статьи). Далее (следующий клик) дается ссылка на высказывание *У* (оригинальный текст, в кавычках или без; если *У* иностранный деятель — на языке оригинала; возможен принтскрин или видеоролик).

В статье будет дан начальный компонентный анализ ОМК: выявляются и анализируются языковые компоненты (лексика, синтаксис), семантические (темы) и прагматические (иллюзии и другие компоненты ситуации коммуникации), устанавливаются связи между ними.

Материал составили ОМК четырех авторов (позиции *X* в примерах), регулярно выступающих в этом жанре и регулярно попадающих в топ поисковых браузеров: министра иностранных дел РФ **С. В. Лаврова**, члена Совета Федерации Федерального собрания РФ **А. К. Пушкова**, директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ **М. В. Захаровой**, заместителя Председателя Правительства РФ **Д. О. Рогозина**. (В качестве дополнительного материала привлекались несколько особенно ярких ОМК журналистов, аналитиков, политических обозревателей и т. д.) Всего было рассмотрено около **400** текстов за 2016—2018 гг. (при этом около 80 % объема материала приходится на один, 2017 год).

Несколько примеров:

*Министр иностранных дел России Сергей Лавров **пронично ответил на высказывание госсекретаря США Рекса Тиллерсона о диалоге с Россией, сообщает ТАСС*** (04.04.2017).

*Захарова **высмеяла слова Бориса Джонсона о самом мощном оружии против России*** (1.10.2016).

*„Отпентагонят и бросят“: Захарова **пристыдила США за заявление по Мосулу*** (29.03.2017).

*Захарова **поиздевалась над комментариями ВАДА о допинге сестер Уильямс*** (14.09.2016).

*Мария Захарова **унизилла представителя США Саманту Пауэр*** (21.01.2017).

*„Он еще и шьет на дому“: Рогозин **высмеял Климкина, вручившего генсеку ООН вышиванку*** (09.07.2017).

*Рогозин **предложил латвийскому депутату отморозить уши назло России*** (29.03.2017).

*Пушков **высмеял предложенную „декоммунизацию“ Дня космонавтики на Украине*** (13.04.2017).

*Пушков **раскритиковал слова Порошенко о „разводе“ с Россией*** (12.05.2017).

Повторяем: наш материал составляют юмористические высказывания и метавысказывания, претендующие на афористичность (одним из основных источников высказываний *X* является «Твиттер», требующий краткой формы), поэтому не рассматриваем, например, высказывания и метавысказывания типа *Рогозин ответил на слова Трампа о санкциях против России из-за Крыма; Пушков назвал непродуктивной идею привлечь Россию к ответственности за Крым*.

2. Речевые источники

Рассматриваемый коммуникативный феномен имеет, как представляется, ряд источников. Во-первых, он развился на основе **жанра комментария**, очень распространенного и образовавшего множество жанровых модификаций в Интернете [см.: Майофис 2004; Сивенкова 2011; Руженцева 2013; Стеклова 2013, 2014; Каменева 2016]. Вторым таким источником является **экспрессия**, тоже очень широко распространенная и востребованная в интернет-общении; формы и виды экспрессии все время множатся. Одним из наиболее распространенных и традиционных видов экспрессии в неофициальной (а отчасти и официальной) интернет-коммуникации является **экспрессия карнавала**, представляющая собой смешение высокого и низкого (в данном случае — сочетание изначально дипломатического, т. е. в высокой степени косвенного, внешне вежливого, стиля речи деятеля *X* с подчеркнуто недипломатичной прямой ярко-оценочной характеристикой его высказывания автором *A*); подобная экспрессия в целом очень характерна для политической коммуникации, к которой относится большая часть анализируемого нами материала ОМК^[1]. В-третьих, это конкретные **технические** характеристики интернет-браузера (контент-агрегатора). Многие официальные лица (политики) завели свои аккаунты в соцсетях («Твиттер», «Фейсбук»), где размещают свои высказывания, в том числе юмористические, которые за счет поддержки и технических возможностей данных соцсетей становятся широко известны, а как результат — могут становиться объектом чужой рефлексии (осуждение, насмешка, ирония, сарказм, изощрен-

ные издевательства над политическими противниками).

Еще одна важная основа ОМК, которую можно определить как общественно-политическую, — обострение за 3—4 последних года политического противостояния России с «враждебным окружением», соответственно — представителей власти России (и лояльной власти журналистики) и публичных деятелей противоположной стороны (представляющих Украину, США, страны ЕС и т. д.). Поэтому, вероятно, ОМК в таком виде был бы невозможен до 2014 г.: начав формироваться после обозначившегося в это время политического противостояния, он окончательно складывается примерно к 2017 г., однако из-за противоречий в форме и содержании подвергается некоторому усечению и смягчению примерно к 2018-му (см. ниже).

Является ли рассматриваемый текстовый феномен *речевым жанром*? Безусловно, есть некоторые доводы в пользу данного утверждения: он достаточно распространен в интернет-коммуникации, а главное — узнаваем: формально — по названному речевым словам и по общей текстовой форме высказывания X-а (как правило, яркая, афористичная, лаконичная); в содержательном отношении — по оценке высказывания Y-а. (Более тонких характеристик теоретического и терминологического порядка, как уже было сказано, мы не будем сейчас касаться, отметим только, что соотношение речевого жанра и оценки, механизмы оценки в оценочных речевых жанрах относятся к наиболее актуальным проблемам и лингвистики СМИ, и жанроведения [Дементьев 2015].)

Перейдем к обсуждению **речевых жанров**, которые предположительно генетически связаны с жанром ОМК и которые можно поэтому в той или иной степени считать по отношению к нему первичными. Ряд из них уже довольно хорошо изучен, что, конечно, сильно облегчает нашу задачу — в этих случаях мы можем просто опираться на результаты, полученные исследователями, но в то же время необходимо подчеркнуть, что, во-первых, *ни с одним* из этих жанров ОМК не совпадает полностью; во-вторых, все они, выступая как структурные элементы жанра ОМК, более или менее значительно трансформируются, «переакцентуируются» (по выражению М. М. Бахтина):

- **интернет-комментарий** (см. выше); причем, несомненно, особая роль в эволюции жанра ОМК в Интернете принадлежит комментариям, имеющим краткую и лапидарную форму, претендующим на афори-

стичность — судя по всему, данная форма порождена «Твиттером» [Горошко и др. 2012] и сейчас является очень распространенной;

- **жанр оценочной номинации** (например, Б. Ю. Норман рассматривает этот жанр на материале назывных предложений, прежде всего однословных [Норман 2009]);

- **политические дебаты и политическая реклама** [Шейгал 2004];

- юмористические интернет-жанры — **анекдоты** ряда тематических (политических) и структурных групп (которые в условиях Интернета тоже приобретают ряд дополнительных структурных особенностей [Дементьев 2015]), **забавные истории** («аксиогенные комические личные нарративы») [Карасик 2017], **демотиваторы** и некоторые другие [Щурина 2015].

Главное, что получает жанр ОМК от этих первичных по отношению к нему жанров, — свою прагматическую структуру (весьма сложную и неоднородную), которая и будет рассмотрена подробнее.

3. Прагматическая структура

Актанты / субъекты и объекты:

A — журналист, автор рассматриваемого нами вторичного текста II (чаще всего анонимный, коллективный или обобщенный «обозреватель / представитель / потребитель СМИ»: это точка зрения редакции, лояльной к власти, т. е. в сущности точка зрения власти);

X — автор вторичного текста Ib («свой», положительно оцениваемый, уважаемый человек / представитель власти);

Y — автор первичного текста (дискурса, НВКК) Ia (отрицательно оцениваемый, чужой / враг власти / общества / народа);

Z — читатель (текста II) (является ли он также читателем текстов Ia и Ib, в общем, не существенно).

С точки зрения своих иллокутивно-прагматических характеристик ОМК находится на пересечении:

а) **информирования** (информирует журналист A читателя Z), которое также обычно включает оптимизацию и удешевление информирования, которое уже было в тексте Ib (предполагается, что оригинал недостаточно с этим справляется, хотя основное местоположение текста Ib — и без того чрезвычайно массовые соцсети);

б) **развлечения** (ср. в этом отношении юмористические, иронические и прочие стратегии интернет-общения [Фенина 2015], а также развлекательные сайты и жанры неинтернет-коммуникации, такие как травля анекдотов);

в) **оценки** (оценочного действия), опять-таки вторичной, осуществленной А — автором вторичного текста II, обычно через посредство оценочной номинации, главным средством которой является оценочное речевое слово (глагол). Первичную оценку (с номинацией или без нее) осуществил автор вторичного текста Ib — X;

в том числе в виде двух наиболее распространенных разновидностей оценки:

г) **осуждения** (осуждается Y и текст/курс Ib);

д) **похвалы/лести** (ее выражает журналист А автору первичного текста X и его тексту Ia, в зависимости от направленности — патриотический или наоборот): выразить гордость за такие сильные действия своих лидеров (для оппозиционных журналистов, напротив, важно показать их глупость, злобность, высмеять...);

е) **выражения лояльности** (ее выражает журналист А автору X — представителю власти — и побуждает к ней читателя Z).

Добавим, что при этом интенция (а) выражается прямо, (г) и (д) — прямо или косвенно, (б) и (е) — практически только косвенно.

Перейдем к двум интенциям ОМК (ж) и (з), наиболее важным и одновременно наиболее сложным: они имеют только не прямой характер, причем более сложный, чем все предыдущие — это непрямота иной природы, чем, например, косвенность (б) и (е); настоящая прямота вообще невозможна при выражении интенций (б) и (е) в жанре ОМК. Итак, в ОМК наблюдается использование:

ж) **шутки** (сатиры, шутливой сентенции, языковой игры): ее выражает журналист А, адресуясь к читателю Z и опосредованно — автору первичного текста Y, но чаще всего он таким образом лишь транслирует оригинальную шутку автора X, содержащуюся в тексте Ib. Это, безусловно, самый главный и самый трудный компонент — собственно «соль» ОМК, то, ради чего он пишется / произносится и тиражируется. Адекватный анализ данного компонента, как любой анализ юмора и языковой игры, невозможен только лингвистическими методами: в чем именно юмор/сатира/насмешка? Каковы лингвистические (и нелингвистические) механизмы? Что именно (несоответствие фреймов? преодоление цензуры? смешение стилей? и т. д.) порождает комический эффект, по замыслу болезненный для жертвы и доставляющий удовольствие предположительно читателю?

Анализ показывает, что наиболее частотными мишенями высмеивания являются необоснованно завышенные претензии (на непогрешимость, на особые, привилегиро-

ванные условия в разрешении конфликтов, на владение истиной, конечно, на расовое и подобное превосходство и даже на мировое господство (есть и такие)), ложь, демагогия, ущербная аргументация и способы ее донесения, непрофессионализм и некомпетентность (в том числе риторическая, коммуникативная), а также такие общие прегрешения против морали, как ханжество и цинизм.

Конечно, для того чтобы выразить все эти сложные смыслы, короткой «твиттерной» формы ОМК часто оказывается недостаточно, и носителем данного комического содержания оказывается более протяженный текст, включающий добавляемые к собственно ОМК (например, гиперссылкой) тексты, изображения, видео и подоб. Несколько примеров:

04.07.2017, rusnewstoday24.ru: **Пушков посмеялся над заявлением Мосийчука о том, что Кремль будет уничтожен**

Российский сенатор Алексей Пушков иронично прокомментировал заявление депутата Верховной рады Игоря Мосийчука о том, что вскоре Кремль будет уничтожен украинской армией. «„Кремль будет уничтожен украинской армией“, — обещает депутат Рады Мосийчук. Смешно. Об этом мечтали Мазепа, Бандера, Шухевич. Все плохо кончили», — написал Пушков в Twitter.

Ранее Мосийчук заявил, что украинская армия после освобождения Донбасса захватит Кремль. «Мы не остановимся на собственных границах и, выбив врага с украинской земли, нагоним и добьем его в собственной столице: Кремль будет уничтожен», — написал Мосийчук в Facebook.

24.01.18, tsargrad.tv: **Соловьёв „раскусил“ Собчак, сбежавшую в США в разгар предвыборной кампании**

Телеведущий предположил, что светская львица поехала в Вашингтон на встречу с избирателями.

Известный телеведущий Владимир Соловьёв жестко высмеял кандидата в президенты России Ксению Собчак, сбежавшую в США в самый разгар предвыборной кампании. Свои мысли по поводу поведения „блондинки в шоколаде“ Соловьёв опубликовал у себя на странице в Twitter.

В свойственной ведущему саркастической манере он пишет, что поездка Собчак в США в такое время явно не случайна. Соловьёв предполагает, что светская львица ездила в Вашингтон на встречу с избирателями, так как именно там, судя по всему, находится весь её электорат.

„Собчак в разгар избирательной кампании укатила в Вашингтон ..встреча с избирателями?“, — смеётся Соловьёв в

соцсети.

Напомним, что ранее Собчак принимала участие в телепередаче Соловьёва, где обсуждала свою предвыборную программу. В ходе эфира Соловьёву **мастерски удалось заставить Собчак высказать всё, что она действительно думает о России и своих избирателях;**

3) **выражения агрессии** — различается в зависимости от актанта: политик / представитель власти X, «комментируя» (а по сути высмеивая) высказывание Y-а, выражает по отношению к нему агрессию развернуто и обычно непрямо, давая комплексный анализ, «художественно-публицистически» и т. д., что соответствует *агональности* политической коммуникации [Шейгал 2004] (кстати, и сам *отвечает* за свою агрессию); агрессия же автора A (представителя или руководителя издания), направленная, в общем, против той же мишени, что и у X, — Y-а, — представляет собой фактически только оценочную номинацию высказывания X-а и содержится в этом отношении противоречие: с одной стороны, данное речевое слово является *отрицательно* оценивающим (речевое действие X-а именуется как агрессивное, конфликтное); с другой стороны — данное действие X-а *одобряется*.

Такая оценочность, которую выражают наиболее экстремальные «скандално-сенсационные» оценочные речевые слова, противоречит самой сути дипломатической и в целом официальной речи, поскольку выражает не приветствуемые социумом негативные эмоции, злорадство, издевку и т. д., а главное — невежлива, неэтикетна, прямо конфликтна. Вероятно, поэтому в целом ряде изданий она не используется (возможно, редакции соответствующих изданий даже наложили на такие выражения запрет для своих сотрудников, но об этом, конечно, мы можем лишь догадываться), точнее, перестала использоваться приблизительно с середины 2017 г. В то же время экстремальная оценочная лексика хороша для

карнавала и нравится публике, отсюда спрос на нее (а в ситуации предполагаемого запрета — спрос на непрямые, эвфемистические замены).

Разрешить это противоречие, вероятно, невозможно до конца (особенно в плане распределения ответственности), и, столкнувшись с ним, журналисты, как можно судить, примерно к началу 2018 г. резко снизили остроту.

Ср. типичную форму ОМК 2018 г.:

26 июля 2018, REGNUM: **Пушков объяснил, зачем представитель Киева сорвал переговоры в Минске.**

Форма подчеркнута нейтральна — особенно учитывая, что содержание оригинального высказывания Пушкина в «Твиттере» было весьма острое:

Сообщают, что вице-спикер Рады Ирина Геращенко сорвала заседание Минский группы по Донбассу. Не удивлён: знаю её по ПАСЕ, где она вела себя, как невменяемая. Такого рода „переговорщики“ способны только войну объявлять. Киев и направляет их для срыва соглашений.

Можно предположить, что еще год назад слова ОМК были бы гораздо более экспрессивные.

4. Языковые и текстовые структуры

Как уже было сказано, *обязательными* являются наличие речевого слова (обычно оценочного): это глагол в форме сов. в., прош. вр.; номинации речевого или неречевого действия (имеющего общественную/общественно-политическую значимость) характеризуемого X-м персонажа Y-а: чаще существительные (в функции прямого или — реже — косвенного дополнения), но возможны и глаголы; *факультативными* — адъективные и адвербиальные характеристики (тоже чаще всего оценочные).

Представим основной словарь используемых в ОМК речевых слов (он невелик) с частотностью в виде таблицы.

Таблица. Модель ОМК

Субъект	Адверб 1 (факультативная позиция)	Речевое действие субъекта (глагол)	Адъектив 2 (факультативная позиция)	Речевое действие объекта (субстантив)	Объект (посессив)
X (кто)		прокомментировал	надменное	заявление	Y (чьё)
		ответил на			
		высмеял			
		пристыдил			

В отсутствие факультативного Адверба 1 глагол — имя речевого действия субъекта X — всегда оценочный; в меньшей степени проявляется влияние на субстантив — речевое действия объекта Y — наличия/отсутствия Адъектива 2.

То, что мы называем обязательной, или каноничной формой, не исключает полностью вариативности. Распространена языковая игра разных типов (например, *Рогозин предложил латвийскому депутату отморозить уши назло России*), что логично, учитывая, что это, вообще говоря, юмор.

Тем не менее именно каноничная форма позволяет выявить ряд наиболее распространенных лексических единиц, используемых в данных позициях: так, из 400 примеров в той или иной степени к каноничной форме могут быть отнесены ок. 250 (63 %); из них факультативная позиция заполнена примерно в 50 %: позиция Адверба 1 — 35 %, позиция Адъектива 2 — 15 %.

В **обязательных** позициях (заполнение близко к 100 %) выявлены следующие лексеммы.

- **Речевое действие субъекта X (глагол):** *посмеялся* (51), *высмеял* (48), *раскритиковал* (24), *пошутил* (23), *прокомментировал* (17), *поиздевался* (14) и *поиздевалась* (9), *отреагировал (на)* (12), *пристыдил* (5), *унизил* (4), *выставил на посмешище* (3), *посоветовал* (2), *потроллил* (2) и «*потроллила*» (1), *поглумился* (1), «*раскусил*» (1), *не оставил без внимания* (1), *назвал «ахинеей»* (1), *назвала «интеллектуальной агонией»* (1), *ответил (на)* (28).

- Что же касается **номинации речевого действия объекта Y (субстантива, а также Адъектива 2)**, тут разнообразие гораздо больше, причем собственно речевых слов не так уж много — частотны в этой позиции:

- *слова* (54), *заявление* (28), *шутка* (5), *информация* (4), интересны также описательные номинации (это единичные примеры): *призывы к украинцам не ездить в Россию, комментариями ВАДА..., докладом спецслужб США..., выпад украинского посла, придумывание новой „российской угрозы“, новую информацию;*

- именованя значимых поступков (неречевых) в социальной или политической сфере: *ситуацию, решение Украины углубить Азовское море, решение США прекратить бесплатную военную помощь Украине, решение США по делу Ярошенко, украинский запрет российских соцсетей, бряцание оружием Порошенко, „подписавшего“ акт о капитуляции Германии, желанием Украины перенести День космонавтики, экономические „успехи“ Украины, то, что происхо-*

дит в информационном пространстве США;

- именование их при помощи метонимии, синекдохи т. п. (*Порошенко, Литва* вместо соответствующих речевых действий или позиций): *Собчак, сбежавшую в США в разгар предвыборной кампании.*

В **факультативных** позициях:

- **Адверб 1:** *иронично* (13), *жестко* (2), *язвительно* (2), *мастерски* (1), *лихо* (1), *ядовито* (1), *метко* (1).

Среди синтаксических структур, используемых в ОМК, отметим также:

- **эксclamативы:**

29 марта 2017. **«Божественно!»:** *Захарова прокомментировала выпад украинского посла*

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова прокомментировала слова посла Украины в Польше Андрея Дещицы о „российском следе“ в обстреле польского Генконсульства в Луцке

Соответствующий комментарий Захарова сделала у себя в Facebook.

„Божественно. Я бы ещё добавила, что Россия, используя гибридные технологии, способствовала направлению Дещицы послом в Польшу для подрыва авторитета Украины в глазах поляков“, — написала она;

- **обособленные определения, относящиеся к X:** *Сенатор Алексей Пушков, известный своими меткими высказываниями относительно происходящего в мировом сообществе;*

- **деепричастия, относящиеся к речевому слову:** *Комментируя случившееся...; прокомментировала ультиматум Порошенко...*

5. Выводы

Какое место занимают приведенные соображения в общем изучении речевых жанрового пространства современной России (по отношению к чрезвычайно глубоким, детальным, комплексным исследованиям и интернет-коммуникации, и политической коммуникации и их жанров)? Скромное. Проанализирован ограниченный и локальный материал, скорее не успевший оформиться в полноценный жанр (судя по рассмотренным содержательным противоречиям в ОМК, оформления уже и не случится). Тем не менее, по нашему мнению, подобные попытки нужны и представляют пользу для названного общего направления — изучения речевых жанрового пространства современной России [Дементьев 2015]. К важнейшим признакам речевых жанров относится то, что они все время текут, меняются, трансформируются... появляются и исчезают. Точно так же и ОМК, как было показано, скорее

всего, не существовал до 2014 г.; после 2017-го же он, как видим, утрачивает остроту, фактически разрушается. Но и изучение столь локальных явлений необходимо для адекватного представления речевых пространств современной России ^[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. К общим тенденциям современной речевой коммуникации (интернет-коммуникации), значимым для ОМК, о которых мы говорим, по мнению В. И. Карасика, относятся особенности и условия успешного распространения информации в Интернете (рекламизация, клиповость, эмблематичность, абстрактность/неконкретность, экспрессивизация в сочетании с «новым стандартом» — форматностью, а также свойственным постмодернизму смешением смыслов — истинных и ложных, высокого и низкого и т. д.) [Карасик 2015].

Журналист Виктор Мараховский говорит об «украинизации» экспрессии современной политической коммуникации в России: *«Теперь никто не пишет в заголовке <...> исчезло даже минимально конкретное „Лавров Тиллерсону: мне мама тоже запретила танцевать с мальчиками“. Теперь это изменится „Лавров ответил на реплику Тиллерсона шуткой“. Клики, клики меня, читатель, кланчат теперь заголовки — а иначе я ничего тебе не расскажу. Знаю я тебя, ты не станешь лезть внутрь текста, и я (заголовок) пропаду зря... Проблема в том, что там, где не работают загадочные зазывки — мастера медийного маркетинга врубают мощные обобщения. Статус новости подымается за счет учреждения или института, к которому эту новость можно приписать... Лично я был бы рад порассуждать о том, что чья-то злая воля и чья-то жадность превратили топы новостей в эквивалент мигающих баннерами заманух „От этого заявления Путина все ввали в ужас“ и „Собчак опозорилась на всю страну“. Но нет. <...> В ходе локальной донбасской войны и сопровождающей ее мировой информационной произошла диффузия, взаимопроникновение двух политических публичных пространств. И украинская политическая манера, и прихваты, и привычки, и жанры — вылились в Россию и отформатировали российское медианпространство. И теперь у нас, как легко заметить, довольно парадоксальная ситуация. Вертикаль по-прежнему стоит — всё такая же сдержанная и решающая вопросы без воплей за закрытыми дверьми. А перед дверьми кувыркаются разноцветные персонажи в бесчисленном множестве, которые кричат в скважину обидное (и громко*

сообщают, что им оттуда ответили, или торжественно вопят, что им не ответили), и отталкивают друг друга, и летят микрофоны, чашки, ключья колпаков и бубенчики...» [Мараховский 2017].

[2]. Ср. с анализом таких явлений, как *сообщения на пейджер, рубрика «Послания» газеты бесплатных объявлений, падонковский язык, УдаФФ.ком, Луркоморье, пирожки/порошки и подоб.* [ср.: Дементьев: в печати]

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») // Жанры речи. — М. : Саратов : Лабиринт, 2012. Вып. 8 : Жанр и творчество. С. 344—357.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78—107.
3. Дементьев В. В. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: попытка диахронического речевых жанрового анализа. — (В печати).
4. Каменева В. А. Интернет-комментарий к англоязычным статьям политической и культурной тематики. Коммуникативные цели // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 15—19.
5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. — Волгоград : Парадигма, 2015. 342 с.
6. Карасик В. И. Аксиогенные комические личные нарративы // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 203—209.
7. Майофис М. Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 67—69.
8. Мараховский В. Страшная месть Украины. К инцидентам с Веллером, поляком и Навальным [Электронный ресурс] // На линии. 2017. 29 апр. URL: <https://www.nalin.ru/strashnaya-mest-ukrainy-k-incidentam-s-vellerom-polyakom-i-navalnym-5444>.
9. Норман Б. Ю. Номинативное предложение в функции резюме (на материале художественных текстов) // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2009. Вып. 6 : Жанр и язык. С. 239—247.
10. Руженцева Н. Б. Протестный комментарий как жанр политического дискурса // Политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2013. С. 267—272.
11. Сивенкова М. А. «Критиковать или не критиковать?»: об эффективности метакоммуникативных комментариев в политической дискуссии // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 148—151.
12. Стеклова Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 77—81.
13. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1—2 (9—10). С. 81—88.
14. Фенина В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 29—34.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. 326 с.
16. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. — Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

EVALUATIVE META-COMMENTS IN THE TOP OF A NEWS BROWSER

ABSTRACT. *The report is devoted to the evaluative meta-comments in the top of a news browser. They are affirmative statements that someone — X (this is usually a public, respected and positively evaluated important person, often related to power) expressed (in public speech, interview or on the Internet (blog, Twitter)) an opinion (often negative) to the public utterance or behavior of someone — Y (and this person usually has a negative image in the society, is rejected by the society, and is in the opposition to the current government; they are famous or public figures.). Here is an example of a meta-comment: X ironically commented on the haughty statement of Y. The article provides an initial component analysis of a meta-comment: language (vocabulary, syntax), semantic (themes) and pragmatic (illocution and other components of the communication situation) components are identified and analyzed, connections between them are established. Much attention is paid to the speech genre sources of the evaluation meta-comments: speech genres, that are supposedly genetically related to the genre of evaluative meta-comment and that can therefore be considered to be more or less primary in relation to it (Internet commentary, genre of the evaluation nomination, political debate and political advertising, humorous Internet genres — anecdotes of a number of thematic and structural groups, axiogenic comic personal narratives, demotivators and others). A total of about 400 texts of 2016-2018 were analyzed.*

KEYWORDS: *evaluative meta-comments; Internet news top; news browser; media; mass media; media linguistics; media discourse; media texts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics, Saratov State University, Saratov, Russia.*

REFERENCES

1. Goroshko E. I., Zemlyakova E. A., Polyakova T. L. Zhanry 2.0: problema tipologii i kategorizatsii (na primere kommunikativnogo servisa «Twitter») // Zhanry rechi. — M. : Saratov : Labirint, 2012. Vyp. 8 : Zhanr i tvorchestvo. S. 344—357.
2. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi // Voprosy yazykoznanija. 2015. № 6. С. 78—107.
3. Dement'ev V. V. Rubrika «Poslaniya» v gazete besplatnykh ob'yavleniy 1990-kh gg.: popytka diakhronicheskogo rechezhanrovogo analiza. — (V pechati).
4. Kameneva V. A. Internet-kommentariy k angloyazychnym stat'yam politicheskoy i kul'turnoy tematiki. Kommunikativnye tseli // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 15—19.
5. Karasik V. I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy. — Volgograd : Paradigma, 2015. 342 s.
6. Karasik V. I. Aksiogennyye komicheskie lichnye narrativy // Zhanry rechi. 2017. № 2 (16). S. 203—209.
7. Mayofis M. Kommentariy: sotsial'naya i istoriko-kul'turnaya refleksiya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. № 66. S. 67—69.
8. Marakhovskiy V. Strashnaya mest' Ukrainy. K intsidentam s Vellerom, polyakom i Naval'nym [Elektronnyy resurs] // Na linii. 2017. 29 apr. URL: <https://www.nalin.ru/strashnaya-mest-ukrainy-k-incidentam-s-vellerom-polyakom-i-navalnym-5444>.
9. Norman B. Yu. Nominativnoe predlozhenie v funktsii rezyume (na materiale khudozhestvennykh tekstov) // Zhanry rechi. — Saratov : Nauka, 2009. Vyp. 6 : Zhanr i yazyk. S. 239—247.
10. Ruzhentseva N. B. Protestnyy kommentariy kak zhanr politicheskogo diskursa // Politicheskaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg, 2013. S. 267—272.
11. Sivenkova M. A. «Kritikovat' ili ne kritikovat'?: ob effektivnosti metakommunikativnykh kommentariy v politicheskoy diskussii // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4 (38). S. 148—151.
12. Steksova T. I. Rehevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 77—81.
13. Steksova T. I. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost' // Zhanry rechi. 2014. № 1—2 (9—10). S. 81—88.
14. Fenina V. V. Ironiya v obydennom politicheskom diskurse (na materiale internet-kommentariy pol'zovateley sayta «Ekho Moskvy») // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 29—34.
15. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.
16. Shchurina Yu. V. Rechevye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii. — Chita : Zabaykal'skiy gos. un-t, 2015. 223 s.